

**РОМАНС М. И. ГЛИНКИ «ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК», СОЧИНЕННЫЙ
В ВАРШАВЕ В 1848 г., И «ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»
А. С. ПУШКИНА: ВО ВРЕМЕНА ХОЛЕРЫ...**

Стихотворение А. Пушкина «Заздравный кубок» привлекло внимание М. Глинки во время его пребывания в Варшаве осенью 1848 г. «Гимном молодости и дружбы» [6, с. 238], называют исследователи этот романс. А между тем, одно из самых жизнеутверждающих произведений в творчестве композитора создавалось тогда, когда за его окном бродила смерть.

Глинка приехал в Варшаву в марте 1848 г. и, получив отказ в заграничном паспорте, задержался там на семь месяцев. Нам удалось обнаружить в варшавской периодике заметки о визите композитора в столицу Польши¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в прессе его имя впервые упоминается лишь 30 апреля². Так, в выпуске №116 газеты «Kurier Warszawski» имеется заметка, сообщающая, что с недавнего времени в Варшаве гостит русский композитор М. Глинка [8, с. 2–3]³. А 3 мая в выпуске № 119 «Gazeta Warszawska» была опубликована статья «Michał Glinka», написанная другом композитора, филологом П. Дубровским, и включающая в себя переведенную на польский язык известную статью Г. Берлиоза о М. Глинке [7, с. 3–4].

Заметка в газете «Kurier Warszawski» также содержит цитату из статьи Берлиоза. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Дубровский являлся автором обеих публикаций. А позднее сообщение в прессу о визите Глинки, возможно, было желанием самого композитора.

В статье Дубровский замечал, что в Варшаве Глинка «живет ... одиноко, преданный своему искусству, в малом кругу приятелей и артистов, восхищающихся его большим талантом» [7, с. 3]⁴. И такая перемена образа

¹ Вероятно, сведения о них мы публикуем здесь впервые; во всяком случае, в русскоязычной литературе они нам ни разу не встретились.

² Даты из варшавских газет приводятся по новому стилю.

³ Здесь и далее перевод с польского выполнен автором данной статьи.

⁴ «Żyje tu samotnie, oddany swój sztuce, w małym gronie przyjaciół i artystów, podziwiających jego wielki talent». Из статьи Дубровского мы также узнаем, что музыка Глинки исполнялась в Варшаве и была известна варшавской публике еще до его приезда в 1848 г. Исполнителем романсов Михаила Ивановича, имени которого Дубровский не называет, был любитель, известный благодаря своему прекрасному тенору. И особенно ему удавался романс «Не называй ее небесной» [7, с. 4]. Скорей всего, этим певцом был П. Николаев, обладавший молодым, грудным тенором. На вечере у А. Астафьева в Варша-

жизни пошла композитору на пользу. Летом был создан первый оркестровый вариант увертюры «Воспоминание о летней ночи в Мадриде», осенью Глинка закончил «Камаринскую» и написал три романса. В «Записках» композитора не сразу обращает на себя внимание краткое замечание о том, что «осенью, в сентябре появилась холера в Варшаве» [3, с. 204]. Но в таком случае выходит, что условия для творчества у Глинки были далеко не самыми благоприятными.

Заметим, что эпидемия холеры в 1848 г. была одной из самых сильных за весь XIX в. Только в России умерло около 700 тысяч человек. С. Тышко и С. Мамаев, отмечают, что даже много позже, в конце века, в Европе смертность достигала 60% [5, с. 140]. Из предосторожности Глинка вынужден был постоянно находиться в квартире. Он был свидетелем царившей на улицах смерти – окна его дома выходили на дорогу, ведущую к главному варшавскому кладбищу. П. Дубровский в своих воспоминаниях о композиторе писал: «Иногда он садился за фортепиано и импровизировал... случалось, что в это время проходила погребальная процессия с длинным рядом католических монахов... Их печальный, громкий хор часто вдруг прерывал торжественные звуки импровизации Михаила Ивановича. Заглушая сильными аккордами это потрясающее душу пение, это гробовое *de profundis*, он поспешно уходил в дальние комнаты...» [2, с. 261–262]. Сам же Глинка в «Записках» скупно замечал: «Мимо нашего дома <...> ежедневно провожали много похорон. Сидя дома, я принялся за дело, написал романсы» [3, с. 205].

Композитор также уточняет, что стихотворения для написанных романсов (а их было три), подсказал ему Дубровский. И действительно, в воспоминаниях последнего мы находим этому подтверждения, но только в случае с двумя романсами: «Слышу ли голос твой» и «Песнь Маргариты». О «Здравном кубке» Дубровский молчит... Почему же именно к строкам Пушкина, прославляющим культ веселья и вина, Глинка обращается в такое неподходящее, казалось бы, для этого время?

Несмотря на мрачное настроение, царившее на улицах Варшавы, и, вероятно, для того, чтобы как-то отвлечься, Глинка нарушал карантин и устраивал у себя дома дружеские вечера. Из воспоминаний знакомой композитора, А. Паприц, мы узнаем, что в Варшаве он постоянно был в кругу приятелей [2, с. 248]. Сам же Глинка писал так: «По вечерам приходили знакомые, – с чаем гостям подавали пунш, чтобы согреть желудок <...>, для той же цели <...> затевались танцы» [3, с. 205].

ве в 1849 г. Николаев, еще не зная, что ему аккомпанирует сам Глинка, исполнял романсы Михаила Ивановича, среди которых был и романс «Не называй ее небесной» [2, с. 238].

Вероятно, такие вечерние собрания были источником вдохновения для композитора. Для общительной натуры Глинки вынужденное домашнее затворничество могло стать причиной очередной депрессии. Паприц вспоминает, что для воодушевления, композитору просто необходимо было общество молодежи и женщин: «Окружите меня! Вдохновляйте меня!», – сидя за роялем, восклицал Глинка [2, с. 249].

Но в то же время, царившая в Варшаве смерть не могла не волновать Михаила Ивановича. Подтверждением этому также служат воспоминания Паприц. Она указывает на неизвестный нам похоронный марш, якобы написанный композитором в Варшаве, но, вероятно, не сохранившийся. Сочиняя его, «Глинка останавливался на какой-нибудь удачной гармонии <...> и обращался к слушателям со словами: „Не правда ли, как это дает ощущение могилы?“» [2, с. 249].

Таким образом, композитор пребывал в необычной обстановке: с одной стороны – дружеские вечера и веселье, с другой – холера и смерть. И здесь возникает интересная параллель: сложившаяся в жизни Глинки ситуация вызывает в памяти картины пира, описанные в маленькой трагедии Пушкина «Пир во время чумы».

У нас нет сомнений в том, что с маленькими трагедиями Пушкина Глинка был очень хорошо знаком. Кроме того, очень схожи истории создания романса Михаила Ивановича и пьесы Александра Сергеевича. И о том, в каких условиях создавалась пьеса Пушкина, Глинка, скорей всего, тоже знал.

Напомним, что «Пир во время чумы» является одной из четырех маленьких трагедий Пушкина, написанных в 1830 г., в знаменитую Болдинскую осень – пору расцвета таланта поэта. Он приехал в имение своего отца Болдино, рассчитывая за месяц управиться с делами, а задержался на целых три – в Петербурге разразилась сильнейшая эпидемия холеры, и был объявлен карантин.

Однако Пушкина этот факт волновал мало. Для него карантин был поводом подольше задержаться в деревне и отвлечься от бытовых забот. Холера ассоциировалась у Пушкина с недавно пережитой им угрозой чумы во время поездки в Арзрум. Поэтому и обращение поэта к этой теме было естественным⁵. «Пир во время чумы» – пьеса, которая состоит из одной сцены и является вольным переводом фрагмента из пьесы английского поэта Джона Вильсона «Чумной город».

Если предположить, что Глинка обнаружил сходство ситуации, описанной в маленькой трагедии с его собственным положением, то в таком

⁵ Подробнее см.: [4, с. 142].

случае, его возвращение после восьмилетнего перерыва к поэзии Пушкина вовсе не случайно. Обратим также внимание, что выбранное Глинкой стихотворение было создано в 1816 г., тогда же, когда была издана и поэма Вильсона – первоисточник маленькой трагедии [9, с. 1]!

Кроме того, стихотворение перекликается по смыслу с текстом «Пира во время чумы». Сравним начало «Заздравного кубка»:

*Кубок янтарный полон давно,
Пеною парной блещет вино.*

и фрагмент из песни Председателя – одного из главных героев маленькой трагедии:

*Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы*

«Гимном свету и дружбе» назовут исследователи романс Глинки, «Гимном в честь чумы» называет свою песнь Председатель.

Застольный, жизнерадостный характер сохраняется на протяжении всего романса Глинки. Ощущение близости смерти будоражило, способствовало активной творческой деятельности. И чем мрачнее была картина смерти за окном – тем ярче звучала жизнеутверждающая музыка Глинки. Простое очертание мелодии, четкий ритм, фанфарное звучание аккомпанемента – Глинка красочно передает колорит застольной песни. Но вновь вспоминается замечание Дубровского о том, что именно «сильными аккордами» композитор заглушал гробовое пение монахов.

Обращают на себя внимание также две детали в романсе. Первое – это замена некоторых словосочетаний Пушкина на глинкинское обращение к друзьям – «друзи» или же «друзи мои»; второе – необычный адресат произведения – свой «Заздравный кубок» Глинка символически посвящает вдове Клико – знаменитому бренду шампанских вин⁶. Это, безусловно, дань окружающим композитора друзьям и их веселым собраниям.

Написанный при сложных жизненных обстоятельствах, романс, тем не менее, является одним из самых светлых произведений в творчестве Глинки. В этом и заключается одна из особенностей гениального композитора. Даже находясь взаперти, вдали от родных и близких, он продолжал творить. И если учесть все обстоятельства, в которых был создан романс, можно сделать вывод, что смысл «Заздравного кубка» Глинки не столь однозначен, как до сих пор было принято считать.

⁶ Подробнее см.: [1, с. 82].

1. Бодіна В. Культура авторської присвяти в музичному мистецтві XIX століття (на матеріалі камерно-вокальної творчості М. Глінки та М. Мусоргського) / В. Бодіна // Київське музикознавство : Зб. статей. – К., 2010. – Вип. 31. – С. 78–85.
2. Глінка в воспоминаниях современников / [под общ. ред. А. Орловой]. – М. : Госмузиздат, 1955. – 432 с.
3. Глінка М. Записки / М. Глінка [под ред. В. Богданова–Березовского. вступ. статья В. Богданова–Березовского. Комм. А. Орловой]. – Л., 1953. – 283 с.
4. Лотман Ю. Пушкин / Ю. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2003. – 848 с.
5. Тышко С., Мамаев С. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам» : в 3 ч. – Ч. II : Глінка в Германиї, или Апологія романтичного свідання / С. Тышко, С. Мамаев. – К. : Задруга, 2002. – 509 с.
6. Ширинян Р. О романсах Глинки (к вопросу соотношения слова и музыки) / Р. Ширинян // М. И. Глінка. К 200-летию со дня рождения: Материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. – М., 2006. – Т. II. – С. 233–243.
7. Dubrowski P. Michał Glinka / P. Dubrowski // Gazeta Warszawska. – №119, 3 Maja 1848 r. – S. 3–4.
8. Kurier Warszawski. – №116, 30 Kwietnia 1848 r. – 8 s.
9. Wilson J. City of the plague and other poems / J. Wilson. – Edinburgh, 1816. – 300 p.

Бондаренко Катерина. Романс М. И. Глинки «Заздравный кубок», сочиненный в Варшаве в 1848 г., и «Пир во время чумы» А. С. Пушкина: во времена холеры... В статье рассматривается творческая история романса М. Глинки «Заздравный кубок», сочиненного в 1848 г. во время эпидемии холеры в Варшаве. Проводится параллель между образно-тематическим содержанием этого сочинения и маленькой трагедией А. Пушкина «Пир во время чумы».

Ключевые слова: М. И. Глінка, А. С. Пушкин, Варшава, холера, творчество.

Бондаренко Катерина. Романс М. І. Глінки «Заздравный кубок», створений в Варшаві у 1848 р., та «Пир во время чумы» О. С. Пушкіна: за часів холери... У статті розглядається творча історія романсу М. Глінки «Заздравный кубок», створеного у 1848 р. під час епідемії холери в Варшаві. Проводиться параллель між образно-тематичним змістом цього твору та маленькою трагедією О. Пушкіна «Пир во время чумы».

Ключові слова: М. І. Глінка, О. С. Пушкин, Варшава, холера, творчість.

Bondarenko Katerina. Romance of M. I. Glinka «Grace Cup», composed in Warsaw in 1848, and «Feast in Time of Plague» by A. S. Pushkin: in time of cholera... The article examines a creation history of M. Glinka's romance entitled «Grace Cup», composed in 1848 during a cholera epidemic in Warsaw. It is drawn a parallel between image and subject scope of the above composition and a small tragedy by A. Pushkin entitled «Feast in Time of Plague».

Keywords: M. I. Glinka, A. S. Pushkin, Warsaw, cholera, creative work.